

Один смелый - Николай Браун и его стихотворения протеста против вторжения 1968 года

25 августа 2023

История русского человека, который в своем протесте против советских танков был еще более одинок, чем известные на весь мир восемь смельчаков, — и поплатился за это еще более длительными сроками, чем они.

Это место всегда гудит, как улей. В жаркие дни конца августа 1968 года здесь было еще более оживленно, чем обычно. На пражскую Вацлавскую площадь приходили все новые и новые ошеломленные началом советской оккупации люди, — чтобы выразить свой протест и напиться в толпе единомышленников храбростью и энергией сопротивления.

Атмосфера же, царившая тогда на Красной площади в Москве, резко контрастировала с пражской. В полдень 25 августа 1968-го вечное спокойствие отважилась нарушить лишь незаметная группка из восьми храбрецов, которые собрались возле храма Василия Блаженного, чтобы извиниться перед Чехословакией за нападение на нее и поднять лозунг «За вашу и нашу свободу». Агентам КГБ хватило всего нескольких минут, чтобы избить их и затолкать в машины. Позднее они были на долгие годы отправлены в тюрьмы и психбольницы.

И все-таки даже эти люди не были столь одиноки, как десятки тех, кто решился на собственный страх и риск протестовать против агрессивной политики своей страны в самых разных городах и селах Советского Союза. Одним из этих смельчаков был Николай Николаевич Браун. Человек, чей стихотворный бунтарский триптих, из-за которого он провел годы в ГУЛАГе, у нас до сих пор практически неизвестен.

Сквозь глушилки шепчет ветер

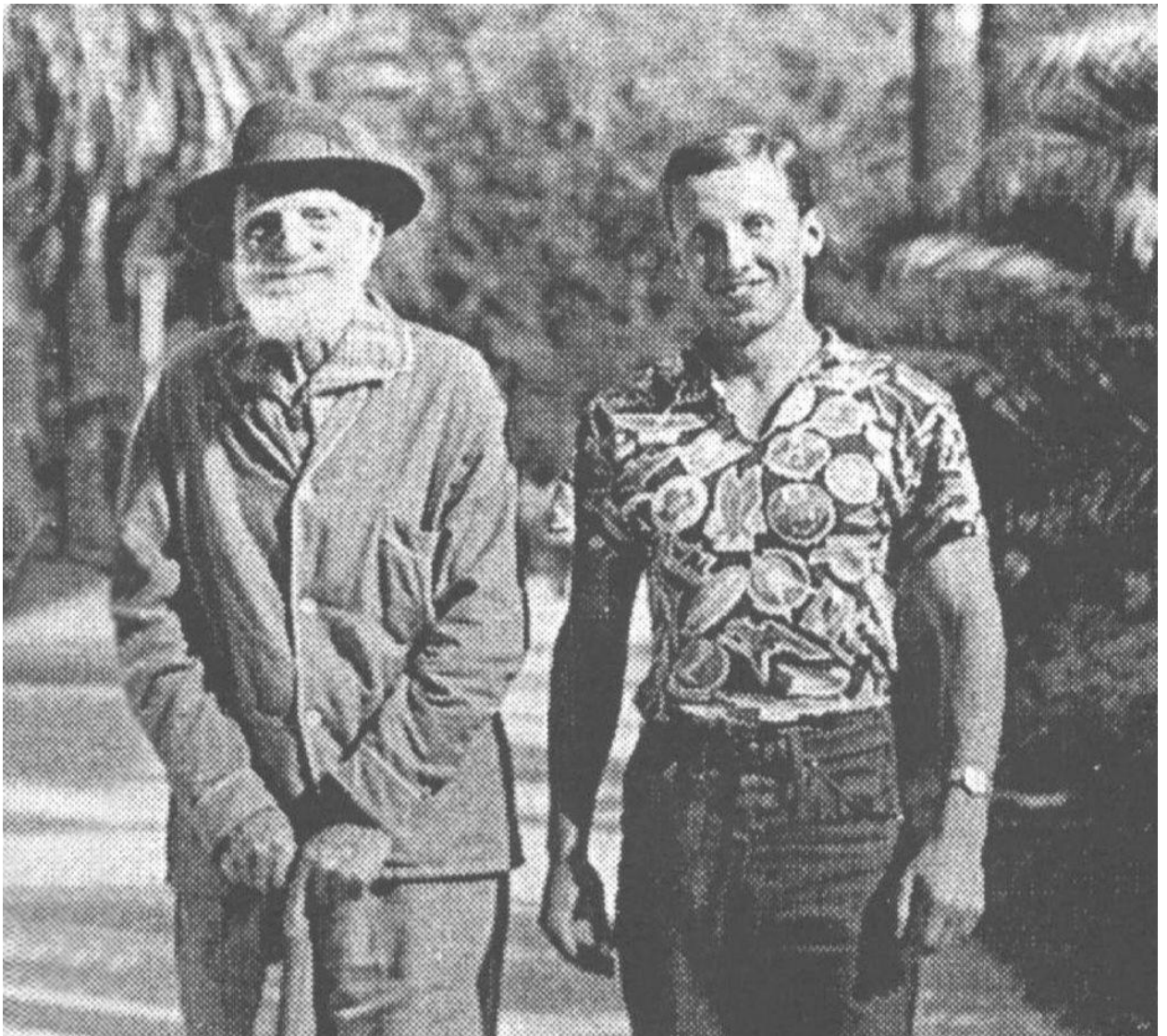
«К счастью, 21 августа 1968 года я находился за городом, а не в Ленинграде. Там я бы ни о чем не узнал — заграничные радиостанции там глушили настолько сильно, что было вообще ничего не слышно... — вспоминает Николай Браун во время интервью, которое взяла у него для Gulag.cz молодая исследовательница Анна Фомина из петербургского «Мемориала». — Тот день я провел в Комарово. У меня был легендарный приемник ВЭФ, тот самый, рижского производства, и я, меняя длину волны, мог слушать новости. Я сумел поймать западно-немецкую станцию Deutsche Welle (“Немецкая волна”) и понял, что за кошмар творится», — рассказывает он.

Николай Николаевич до сего дня убежден в том, что в тогдашнем Советском Союзе о реформах мечтали миллионы людей. Чехословацкая оттепель, принеся с собой в том числе и отмену цензуры, сулила надежду на то, что скоро им уже не придется сгибаться в три погибели у старенького лампового приемника и крутить его ручки, чтобы сквозь треск и скрежет расслышать наконец слова правды. «К сожалению, Москва приняла решение превратить Пражскую весну в танковую осень», — сетует Браун.

Результаты этого решения скоро сказались и на нем самом. «Через несколько дней мне позвонили из московского журнала “Иностранная литература”, куда я отправил свои переводы стихов американского поэта Стэнли Куница. Куниц незадолго до того побывал в Ленинграде и попросил, чтобы я познакомил советских читателей с его творчеством. Редакция приносила извинения и сообщала, что опубликовать стихи невозможно: их автор публично осудил советское вторжение в Чехословакию, — рассказывает Николай Браун. — Я же в тот момент выразил радость от того, что взгляды Куница на ситуацию полностью совпали с моими», — добавляет он.

Николай Николаевич Браун рос в среде, где словам придавалось важнейшее значение. Он родился 24 ноября 1938 года в семье ленинградского писателя и переводчика Николая Леопольдовича Брауна. Человека, известного в русской литературной среде и вращавшегося в тех же кругах, что и Сергей Есенин или Анна Ахматова.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что его сын в 1968 году дал выход боли и гневу, обуревавшему его из-за несбывшихся надежд и украденного будущего, в стихотворении «Нынче август в Чехии мне снится», которое было написано 2 сентября 1968-го.

Николай Браун (справа) вместе с известным публицистом и политиком Василием Шульгиным в Гаграх. 1966 год. Источник: архив Н.Н. Брауна

НЫНЧЕ АВГУСТ В ЧЕХИИ МНЕ СНИТСЯ

*Над поселком финские зарницы...
Но не слышно трелей в тишине.
Нынче август в Чехии мне снится,
Громыханье лжи в чужой броне.*

*Надругательство сапог солдатских
Над несжатым полем на меже.
И в толпе детей агенты в штатском,
Как хвосты ракет на вираже.*

*В городах пожары и аресты.
В демонстрантов выстрелы в упор.
Пусть глушатся радиопротесты, —
Всё я знаю, знаю с давних пор.*

*Ведь не только с Ноябрьем венгерским
Этот Август схож в судьбе твоей,
Но и с Октябрем эСэСэСэРским,
Что не сбросил цепь концлагерей!*

*И у нас в сердцах – частицы тайной
Той свободы, что теперь в плену.
Грузия, Прибалтика, Украина
Не забыли финскую войну.*

*Нет, я верю: горем безответным
Не сдержать в наручниках народ!
Сквозь глушенье – ветер предрассветный
Мне из Праги новости несет...*

Через месяц, 9 октября 1968 года, он написал еще одно стихотворение, получившее название «Вновь именем народа»:

ВНОВЬ ИМЕНЕМ НАРОДА

*Вновь именем народа
Вершат свои дела
Верховные уроды,
Что рады сжечь дотла*

*Еще сырые гранки
Всеи прессы мировой...*

*Как цензор, дуло танка
Над каждой строкой*

*Печатною — маячит
С зарядом крупной лжи,
Чтобы принудить к сдаче
Свободы рубежи.*

*И, чтобы голос яви
Скрыть, как следы впотьмах,
Гудит мотор бесславья
На радиоволнах...*

*В который раз нахрапом
Стремится эта рать
Столь дружественным кляпом
Народам рот зажать?*

*Но ведь и в русских душах
Есть боль таких обид,
Что водка не потушит
И смерть не заглушит.*

*Ведь надобно так мало
В прискорбном том бою,
Чтоб чешскому запалу
Взрывчатку дать свою!*

Спустя две недели, 24 октября 1968 года, Николай Николаевич Браун добавил к двум предыдущим текстам еще один, названный им «Семеро на Лобном месте» и посвященный «Участникам демонстрации на Красной площади в Москве 25

августа 1968 года против ввода советских войск в Чехословакию».

Необходимо пояснить, что, вопреки названию, смелых, нашедших в себе отвагу выйти на главную русскую площадь, чтобы выразить протест против вторжения, на самом деле было восемь: Константин Бабицкий, Вадим Делоне, Владимир Дремлюга, Виктор Файнберг, Наталья Горбаневская, Лариса Богораз, Павел Литвинов и Татьяна Баева. Однако после задержания остальным участникам демонстрации удалось убедить совсем юную — двадцатиоднолетнюю — Татьяну Баеву заявить, что она была случайной свидетельницей и не имела к акции никакого отношения. Поэтому ее отпустили, и она не предстала перед судом.

СЕМЕРО НА ЛОБНОМ МЕСТЕ

Участникам демонстрации на Красной площади в Москве 25 августа 1968 против ввода советских войск в ЧССР

*Семеро на Лобном месте
Вынесли свой приговор
Молчаливому бесчестью.
Что им плаха и топор?*

*Взвились лозунги свободы
Над брусчаткой площадной...
Пусть за миг отваги — годы
За тюремную стеной,*

*Пусть побои, оскорбленья
От наемников тупых —*

*Как прожектором по тени
Для России этот сдвиг,*

*Чтоб другие поколения
Были тоже им сродни
И сочли за преступленье
Немоту — в такие дни!*

Три стихотворения, посвященные утопленной в крови Пражской весне, автор решил соединить в триптих, названный им «К единой Чехии».

Неделя, на которую выпало 15 апреля 1969 года, была для православных самой что ни на есть праздничной — пасхальной. И хотя Николай Браун всегда открыто заявлял о своих религиозных убеждениях, тот день он провел не со своими единоверцами. У него были совсем другие — и вовсе не праздничные — заботы. «Ко мне нагрянул КГБ. Они знали, что я православный верующий, так что все специально рассчитали. В мою квартиру ворвались десять человек и четырнадцать часов переворачивали там все вверх дном. Дома у меня не было интересующей их литературы, я ее там не хранил, так что ничего особенного они найти не могли, однако же обнаружили мои стихи, в частности — триптих», — вспоминает Браун.

Именно найденные стихи послужили поводом для того, чтобы 10 октября того же года обвинить его в том, что он «в целях подрыва советской власти в течение длительного периода времени активно занимался антисоветской деятельностью, распространял клеветнические измышления, порочащие советское правительство в связи с вводом войск в Чехословакию, воспевал деятельность лиц, организующих антиобщественные сборища, и передал свои стихотворения, а также письмо в адрес зарубежной радиостанции «Немецкая

волна» иностранному гражданину Грею для вывоза за границу и передачи в указанную радиостанцию в целях распространения по радио. Также он в устной и письменной форме пропагандировал идею свержения государственного и общественного строя».

Чтобы сломить Брауна, гэбисты на допросах пытались оказать на него давление. «Например, они говорили мне, что от меня отrekliсь родители. А те позднее мне рассказали, что им говорили, будто, наоборот, это я от них отрекся. Но никто из нас этому не верил. Многие наши родственники стали жертвами репрессий, так что мы прекрасно знали, что именно следователи способны говорить и делать».

История быстро двигалась к заранее predetermined финалу. 15 декабря милиционеры доставили Николая Николаевича Брауна из тюрьмы в зал ленинградского областного суда на Фонтанке. Когда во время заседания судья Исакова упомянула его стихи, он с гордостью признал свое авторство и продекламировал вторую часть триптиха «К единой Чехии» — стихотворение «Вновь именем народа».

«В помещении было полно чекистов, рядом со скамьей подсудимых стояли конвоиры с заряженными автоматами. Когда я декламировал стихи, то меня удивило, что они все дружно кивают. Я сказал себе, что, наверное, они кивают просто в такт, — не может быть, чтобы они одобряли содержание. Или они просто радовались, что меня арестовали. Однако потом, ночью, когда я проснулся в тюрьме, меня осенило: а что если в душе они со мной согласны?» — возвращается сегодня Браун к событиям более чем полувековой давности.

Так или иначе, но приговор ему вынесли в тот же день. «Согласно положениям статьи 70, часть 1 — “антисоветская агитация и пропаганда” — Уголовного кодекса СССР обвиняемый приговаривается к семи годам лишения свободы с последующей ссылкой сроком на три года».

В перечне прегрешений присутствовали также религиозная агитация, распространение самиздата и даже подготовка взрыва мавзолея Владимира Ильича Ленина и подготовка покушения на тогдашнего главу советских коммунистов Леонида Ильича Брежнева.

Однако российский историк Виктор Шмыров, который с достойным восхищения упорством заботится о том, чтобы судьбы политических узников не были забыты, призывает относиться к рассказу о разнообразных деталях процесса Брауна с некоторой осмотрительностью. «Архивные записи и записи следственных действий — и даже приговоры, в которых они частично отражены, — сегодня, к сожалению, недоступны. Это документы повышенной секретности, хранящиеся в архивах ФСБ, и доступа к ним практически нет. Единственный человек, который видел дело Николая Николаевича Брауна и делал из него выписки, — это он сам, то есть все основано лишь на его свидетельствах и показаниях», — указывает Шмыров. Он вместе со своей женой Татьяной Курсиной основал в 90-е годы на месте бывшего лагеря уникальный музей «Пермь-36», единственный в своем роде в России. В 2014 году российские власти его у них отобрали, но недавно супруги создали виртуальную версию музея (<https://www.gulag-perm36.org/>) и, несмотря на нынешнюю сложную ситуацию, продолжают свою исследовательскую деятельность.

Поминальная свеча из муки и маргарина

Бесспорным, однако, является тот факт, что 27 апреля 1970 года Н.Н. Браун оказался в мордовском исправительно-трудовом лагере для политических заключенных, где и пробыл до 9 июля 1972 года. В тот день его отправили в лагерь «Пермь-36» на Урале, куда он прибыл 13 июля — и где находился до 16 апреля 1976-го. Затем Н. Н. Брауна этапировали в ссылку в Сибирь, в Томскую область.

Но и за колючей проволокой Браун был верен себе. «Согласно свидетельским показаниям, в лагерях он держался крайне независимо. Подписывал открытые письма, продолжал заниматься творчеством, декламировал собственные стихи и не пытался скрывать свои взгляды. Поэтому он часто попадал в карцер, где был установлен самый строгий режим и выдавались урезанные пайки», — подытоживает историк Шмыров.

В своем рассказе он между прочим упоминает одну любопытную для чехов подробность: «В пермские лагеря, куда советский режим в 70-80-е годы отправлял диссидентов и политических заключенных, попало не меньше 18 человек, обвиненных в том, что они устраивали различные протестные акции из-за вторжения советских войск в Чехословакию, или в том, что распространяли литературу с осуждением этой агрессии. Свое несогласие эти люди выражали либо публично — как, например, Меджид Алиашраф-Оглы Ахундов, который 7 ноября 1968 года вышел в Баку на демонстрацию с лозунгом, осуждающим вторжение; либо, так сказать, письменно — как это было в случае со стихами, написанными Николаем Брауном, или письмами протеста Бориса Митяшина».

Наверное, самой яркой из множества разнообразных акций, проведенных Николаем Николаевичем Брауном, была та, что в конце концов привела к установлению Дня памяти жертв политических репрессий, который теперь ежегодно отмечается

по всему миру 30 октября. Традиция, по инициативе Брауна, зародилась в лагере «Пермь-36» 5 сентября 1972 года, то есть в день очередной годовщины появления Декрета о Красном терроре, после принятия которого в 1918 году в России словно разверзся ад: жертвами этого террора стали миллионы человек. Браун убедил нескольких заключенных воздвигнуть в память о них за медсанчастью пермского лагеря импровизированные кресты, зажечь поминальные свечи и помолиться. «Свечек нам достать не удалось, так что мы сделали их сами — из маргарина и муки», — рассказывает Николай Николаевич.

Год спустя эта же группа решила повторить панихиду; поскольку время от времени узников переводили из лагеря в лагерь, вести о церемонии доходили и до других мест, так что к акции присоединялись все новые и новые заключенные. Круг слышавших о ней еще больше расширился, когда акцию подхватили издатели подпольного бюллетеня «Хроника текущих событий», выходившего в Москве, так что информация различными путями распространилась по всему Советскому Союзу.

Так как КГБ прилагал множество усилий, чтобы пресечь проведение памятных мероприятий, они время от времени сдвигались на какие-то другие, менее значимые даты, пока наконец, когда позволила политическая обстановка, не появился обычай помянуть жертв советских репрессий в самом конце октября. Именно дата 30 октября стала в 1992 году официальным Днем памяти жертв политических репрессий. А накануне по всему миру звучат имена жертв советского террора. Это происходит в рамках акции [«Возвращение имен»](#), к которой каждый год присоединяется и Gulag.cz, вспоминая чехов, казненных в СССР.

Начало конца

В отличие от других заключенных, со временем дождавшихся амнистии или условного освобождения, Николай Николаевич Браун отбыл оба своих срока от первого до последнего дня. Вернуться из Сибири в родной Ленинград ему позволили только в 1979 году. «Я не сказал маме, когда прилечу. Просто позвонил в дверь и вручил ей букет», — сдержанно вспоминает он сегодня о начале своей послелагерной жизни. Однако с точки зрения государства безупречным гражданином Браун стал лишь 26 декабря 1992 года, когда решением Президиума Верховного суда Российской Федерации он был полностью реабилитирован.

Во всех обстоятельствах он оставался самим собой — упрямым человеком, который стремится напоминать о судьбах тех, кто иначе был бы забыт после того, как их жизни перемолол советский молох. Еще он сочиняет песни и иногда выступает с ними на концертах самодеятельных исполнителей. «Это спокойный и не суетливый человек, который старается быть немногословным, чтобы то, что он сказал, имело особый вес. В отличие от других людей, прошедших лагеря, он не выказывает никаких сильных эмоций, когда погружается в воспоминания. К примеру, не говорит об охранниках, что они вели себя как настоящие фашисты, или еще о чем-то таком», — характеризует Брауна уже цитированный нами историк Виктор Шмыров.

Скупым на слова непоколебимый критик советского вторжения в Чехословакию остается и в тот момент, когда ему задают вопрос о его отношении к российской агрессии против Украины. «Я против братоубийственных войн, — произносит он уклончиво и быстро возвращается к своим воспоминаниям: — Молодое поколение никогда не должно забывать о событиях

августа 1968 года. Те дни, можно сказать, положили начало концу советской системы».

Текст подготовили: Штепан Черноушек, Йозеф Греш, Анна Фомина, Александра Скорвид, Виктор Шмыров. Благодарим за сотрудничество Татьяну Курсину, Аллу Середяк, петербургский «Мемориал» — Фонд Иофе, виртуальный музей «Пермь-36» и Радку Рубилину за перевод стихотворений.